

Хотя она ненавидела расстояние, это было лучше, чем не видеть их вовсе. Она ухмылялась и терпела неловкость, понимая и принимая свою вину в случившемся.

Будучи единственной ведьмой в их семье, ее родители в какой-то момент прониклись к ней доверием. Доверие к тому, что она не будет использовать магию, чтобы обмануть систему, решить каждую мелкую проблему или причинить боль тем, у кого нет возможности дать отпор - неважно, была ли эта боль вызвана ее палочкой или ее действиями.

И она безвозвратно разрушила это доверие, когда изменила их воспоминания.

Они простили ее.

Но терапия научила ее, что прощение - это не конец процесса; это начало новых отношений, которые продолжают формироваться под влиянием тех самых действий, за которые нужно было прощать.

Тонкие намеки на их настороженность были суровыми напоминаниями о пути к примирению, который она все еще прокладывала.

Смирение - это то, над чем Гермиона все еще работала, и не позволять чувству вины ослеплять ее и не замечать достигнутого прогресса было непросто. Но это не останавливало навязчивые мысли. Или страх, что эта ужасная вещь навсегда останется между ними, как бактерия, заражающая растения, и дающая о себе знать слишком поздно: пожелтением листьев и увяданием.

Но потом ей пришлось напомнить себе, что для исцеления требуется время. Когда это происходило в ее саду, ей приходилось особенно тщательно ухаживать за каждым растением. В итоге ее урожай стал здоровее благодаря труду, который она приложила для его сохранения. Более выносливыми.

Она должна была использовать тот же план ухода за своими родителями.

Гермиона закладывала основу с каждым ужином, каждым визитом и каждым общением. Она знала, что должна быть терпеливой, продолжать приходить на ужины, предлагать маме урожай со своего огорода, чтобы та экспериментировала, и смотреть, как отец рисует. Именно от нее зависело держать ворота общения открытыми, чтобы они могли войти, если захотят.

Может быть, однажды они решат войти и остаться.

А до тех пор она будет продолжать работать.

Когда ужин закончился, Гермиона помогла маме с посудой, пока отец вытирал столешницу и убирал лишнее. Он закончил первым, быстро поцеловал маму и обнял Гермиону, после чего

скрылся в гостиной, чтобы посмотреть телевизор. Под фоновую музыку футбольного матча они работали вместе: Гермiona мыла, а мама убирала посуду в посудомоечную машину, которая должна была быть у нее, но использовалась только для сушки.

"Твой папа беспокоится за тебя, - сказала мама, складывая вилки в кучу. "Он считает, что это не очень хорошо, что ты одна так далеко за городом".

Ее отец? Беспокоится? Она не могла сказать.

"Мне нравится спокойствие. Я могу прилететь или улететь куда угодно".

Ее мать скорчила гримасу, как всегда, когда использовала волшебную терминологию. "Почему бы тебе не выбрать место поближе к городу? В Суррее есть много вариантов. Вы будете ближе к нам, если что-то случится. Это облегчит его заботы".

"Моя овощная грядка не поместится". Ее родители поняли бы это, если бы приехали в гости, но она придержала язык за зубами.

Гермиона жила в коттедже, слишком большом для одного человека, на земле, которую она охраняла. Ближайшим городом волшебников была Годрикова лощина, но это было совсем не близко. Соседей не было видно.

Когда риелтор неохотно показал ей дом, он был полуразрушен, но она увидела в нём лишь очарование и потенциал. Она полюбила его с первого взгляда. Один только участок стоил того, чтобы его купить; в доме нужно было многое доработать.

В то время родители считали покупку глупой, ведь она только что уволилась из Министерства, но у Гермiony было более чем достаточно средств, чтобы покрыть расходы. Она перевела половину своего хранилища в Гринготтсе в фунты и использовала их, чтобы расплатиться с кредитом и подрядчиками за работу. Благодаря большим сбережениям, накопленным за годы бережливости, и оставшимся после войны компенсационным фондам, у неё осталось достаточно средств, чтобы безбедно, хотя и скромно, жить ещё долгие годы.

По правде говоря, она могла бы справиться с ремонтом и переделками с помощью магии, но наблюдение за ходом ремонта давало ей повод сосредоточиться. Они вырывали невидимую гниль и аккуратно вырезали первоначальный камень, перестраивая здание так, что снаружи оно выглядело по-прежнему, а внутри было совсем новым.

Это была метафора, которую она не могла игнорировать.

Овощная грядка изначально была терапевтическим заданием, которое она начала выполнять вскоре после окончания строительства, чтобы занять свое время и справиться со стрессом. Дом еще не был обставлен, когда Невилл зашел к ней с несколькими молодыми растениями в

подарок, и родилась идея. Очень скоро он стал приезжать к ней еженедельно, чтобы показать, как строить садовые ящики, обрабатывать землю и показывать, что и где сажать. Затем она начала читать книги и планировать.

Это дало ей цель.

После первого урожая они с Невиллом сидели на пастбище за ее огородом и объедались невымытыми помидорами. И когда она разрыдалась, он не осудил ее. Он позволил ей выплакаться и напомнил, что это первый из многих грядущих урожаев.

Дом Гермионы значил для нее больше, чем она могла передать, и она ненавидела, что родители этого не понимают.

Поэтому она продолжала мыть посуду, погружаясь по предплечье в теплую воду, когда мать вновь вернулась к теме, которую, как Гермиона считала, она обошла стороной.

"Я имела в виду то, что сказала о Роне, ты должна взять его с собой, когда приедешь в следующий раз. Более того, тебе стоит пересмотреть свое мнение о нем".

"За последние шесть лет ты достаточно ясно выразила свое мнение по этому поводу". То, что Гермиона пыталась сгладить разрыв, не означало, что она будет сдерживать себя в этом вопросе.

"Я буду говорить это до тех пор, пока ты не прислушаешься. Ты не найдешь никого лучше, не с такой жизнью, как ты живешь". Это было сказано не для того, чтобы обидеть или задеть, а просто как факт в глазах ее матери. "Твоя работа очень важна, Гермиона. Ни один человек - волшебник или нет - не поймет твою преданность пациентам так, как он".

Гермиона чуть не рассмеялась, но вместо этого передала Рону тарелку, которую только что вымыла, прежде чем приступить к чашкам. В жизни Рона наступил момент, когда он обрёл свою собственную опору за пределами своей большой и теперь уже выдающейся семьи, но поскольку в молодые годы ему приходилось так много делиться, он никогда не любил делиться с ней. Он всегда был неуверен в своем положении и роли в ее жизни.

Теперь, когда они расстались и он вместе с Джорджем разрабатывал новые товары для постоянно расширяющегося магазина шуток, а она больше не стремилась стать самым молодым министром магии, он казался более спокойным рядом с ней. Его не так раздражало, когда люди искали ее, а не его. Теперь, когда она не была такой занятой и важной, Рон хотел попробовать снова, как будто её график с самого начала был основной причиной их разрыва.

Но это было не так.

Вместо того чтобы предоставить матери подробный анализ характера Рона, Гермиона

предпочла ответить так, чтобы оказаться в ещё более глубокой яме, но, по крайней мере, в другой.

"Ты права. Я предана своей работе. На самом деле, я настолько предана, что сейчас ничего не ищу".

"Ты не становишься моложе".

Гермиона сузила глаза.

Чайник с чайником.

Ее мать была не намного моложе, когда родилась Гермиона.

"Я полагаю, что сначала ты хотела сделать карьеру. В этом отношении я похожа на тебя".

Пройдет не один день в аду, прежде чем ее мать признает, что Гермиона права. "Хотя я люблю детей Гарри, мне бы хотелось когда-нибудь иметь собственных внуков".

"Для этого мне нужно встретить подходящего человека". Мать не знала, что Тео пытается убедить ее взять потенциальный пятилетний контракт, что означало, что в ближайшем будущем это маловероятно.

"По-моему, ты уже встретила".

"Неужели?" Гермиона закатила глаза. Ее мать всегда умела направить разговор в нужное ей русло. Она передала ей последнюю чашку, чтобы та ополоснулась. "Нам придется согласиться с тем, что мы не согласны".

"Пока".

Когда мама закончила расставлять все по местам, она закрыла посудомоечную машину и поставила электрический чайник для чая. Гермиона принесла имбирный чай, после того как мама пожаловалась на боли в животе во время их вчерашнего телефонного разговора. Вытерев руки и налив кипятка в заварочный чайник, она села за стол, и мама присоединилась к ней.

Сначала чай. Десерт на второе.

Мать оглянулась через плечо на чайник, прежде чем жестко спросить: "Как дела?"

Мысленно - это было произнесенное слово в конце ее вопроса.

Если бы не проблемы с доверием, она все равно была ее матерью и всегда беспокоилась. Поскольку она была дочерью врача и стоматолога, психическое здоровье не было для ее матери запретной темой. Однако она подходила к ней с осторожностью.

Не то чтобы это имело значение.

Это была еще одна болезненная тема, которую никто не хотел обсуждать. Упоминание об этом заставило Гермину напрячься, но она ответила просто. "Я в порядке".

"Ты ведь не слишком много работаешь?"

"Нет, мам. Мое задание закончилось на прошлой неделе, так что сейчас у меня перерыв между пациентами".

"Хорошо".

Из гостиной доносились жалобы отца на игру. Должно быть, "Арсенал" снова проиграл. Гермину ухмыльнулась, вспомнив Рона и его любовь к вечно проигрывающим "Кэннонз".

Засвистел чайник, и мать отправилась готовить чай для них обоих.

Гермину положила руку ей на плечо. "Пусть имбирный корень заварится подольше. Еще минут десять или около того".

Кивнув, мама последовала ее совету. "Ты ведь обязательно поешь?"

"Да".

"А спать?"

"Восемь часов в сутки". Гермину сделала паузу, а потом сказала: "Я не собираюсь разваливаться на части, мама".

Только не это.

<http://erolate.com/book/4183/122874>